

Глобализация военно-политической активности Запада

Олег Приходько

Расширение географических границ применения военной силы является отличительной чертой эволюции НАТО после окончания холодной войны. Процесс глобализации зоны ответственности альянса применительно к урегулированию военно-политических кризисов и конфликтов начался с операции «Буря в пустыне» (1991 г.), проводившейся международной коалицией против Ирака, который годом ранее оккупировал Кувейт. В период балканских войн, сопровождавших распад Федеративной Республики Югославия, альянс использовал военную силу в Боснии и Косово. Уже в XXI в. последовали интервенции НАТО в Афганистане и Ливии: в первом случае с санкции Совбеза ООН, во втором – без нее.

Официально альянс никогда не признавал существования определенных географических ограничений для вмешательства и был готов к применению военной силы для защиты своих интересов в любом районе мира, где считал это необходимым.

В стратегической концепции НАТО, которая была одобрена в 2010 г., постулируется, что организация является *региональным альянсом*, но подтвер-

---

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН). *E-mail*: olegvladim@yandex.ru

Ключевые слова: США, стратегия, НАТО, партнеры, Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний Восток.

ждается готовность к действиям в ответ на нападение, где бы оно ни происходило. Причем заметна тенденция всё более широкого толкования термина «нападение», под которым теперь понимается не только применение военной силы.

Разворот американской стратегии на АТР

Представители различных направлений американской политологической мысли вкладывают разный смысл в предназначение альянсов и партнёрств США с зарубежными странами. Приверженцы школы реализма (*realpolitik*) отталкиваются в первую очередь от критерия баланса сил. Для них центральность альянсов и партнёрств измеряется прежде всего возможностью использования отношений с другими государствами в качестве мультипликатора американской силы и инструмента укрепления влияния США. Для сторонников нормативного подхода партнёрские отношения Соединенных Штатов с другими странами – это форма взаимодействия с целью поддержания миропорядка на основе принципов, отвечающих западным ценностям, и механизм выстраивания более широких коалиций с членами международного сообщества для нейтрализации транснациональных угроз.

В практической политике США присутствуют элементы обоих подходов. Что бы ни говорила американская администрация о «многопартнёрском мире», в своих действиях она исходит из ожидаемого формирования нового миропорядка, где Китай станет конкурирующим полюсом силы и влияния сначала в региональном, а затем и глобальном масштабе. Утвержденный президентом Б.Обамой в начале 2012 г. документ

«Поддержание глобального американского лидерства: приоритеты обороны в XXI веке»¹, которым должно руководствоваться Министерство обороны США, свидетельствует, что центр тяжести американской военно-политической стратегии смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Как заявил тогдашний глава Пентагона Л.Панетта, разъясняя положения упомянутого документа, американские усилия в АТР, который «приобретает всё большую важность для будущего Соединенных Штатов с точки зрения американской экономики и национальной безопасности», будут сосредоточены на «укреплении военного присутствия, проецировании силы и сдерживании»².

Реагируя на возрастающую мощь Китая, Вашингтон разворачивает свою военно-политическую стратегию в сторону АТР и пытается адаптироваться к происходящим изменениям баланса сил за счет модернизации существующих и создания новых двусторонних и региональных альянсов и партнёрств.

Новая стратегия «гибкого базирования» Пентагона предусматривает формирование сети региональных соглашений по безопасности с государствами АСЕАН и регулярную ротацию американских войск в регионе.

В ноябре 2011 г. США заключили с Австралией соглашение о сотрудничестве по безопасности и расширении американского военного присутствия в этой стране, в соответ-

ствии с которым близ г. Дарвина будут базироваться 2,5 тыс. морских пехотинцев вместе с приданной им авиацией и средствами тыловой поддержки.

Вашингтон был инициатором подписанных в июне 2012 г. соглашений НАТО с Австралией и Новой Зеландией об углублении сотрудничества в сфере безопасности. Эти соглашения предусматривают сотрудничество по таким направлениям, как операции по урегулированию кризисов, совместная боевая подготовка и учения вооруженных сил, взаимодействие при ликвидации последствий крупных стихийных бедствий, обеспечение защиты в киберпространстве.

Военные контингенты этих двух государств входят в состав возглавляемых натовским альянсом Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане. Австралия является лидером среди партнеров НАТО по вкладу в боевые действия в рамках афганской операции.

США пытаются выстроить в АТР систему региональной безопасности, которая призвана максимально воспрепятствовать попыткам Пекина изменить статус-кво в регионе.

В 2012 г. США и Филиппины достигли договоренности о том, что американские морские пехотинцы оборудуют «передовой командный пункт» на филиппинском о. Палаван, расположенном ближе всего к участку Южно-Китайского моря, который оспаривается Пекином и Манилой. Этот пункт боевого управления будет находиться в совместном пользовании. Договоренность предусматривает расширение взлетно-посадочной полосы для приема аме-

риканских военных самолетов. Вашингтон и Манила рассматривают возможность создания совместных «оперативных баз» и в других местах Палавана, а также на о-вах Батан, которые ближе всего расположены к Тайваню.

Филиппинская сторона предоставила американским военным доступ на ряд объектов, находящихся на о-вах Лусон и Минданао, где будет осуществляться материально-техническая поддержка военным кораблям и самолетам США. Всего на ротационной основе Соединенные Штаты планируют развернуть в этой стране примерно 4–4,5 тыс. своих военно-служащих.

В рамках разворота на АТР США предложили Индонезии новые поставки вооружений, программы совместных учений и подготовки местных вооруженных сил, Вьетнаму – визиты американских военных кораблей в порты этой страны, проведение маневров и диалог по вопросам обороны. Они достигли соглашения с Сингапуром, по которому четыре американских боевых корабля прибрежной зоны с 2012 г. базируются на сингапурской военно-морской базе в Чаньчжи, демонстрируя американское присутствие в районе Южно-Китайского моря, где сохраняются территориальные споры с участием КНР. Нескрываемый интерес США проявляют к вьетнамскому порту в заливе Камрань, который по договору об аренде служил базой российского ВМФ до 2002 г. Вьетнам при технической помощи России осуществляет модернизацию инфраструктуры этого порта, который через 2–3 года станет местом, пригодным для

захода иностранных кораблей и подлодок. Тот факт, что министр обороны США Л. Панетта лично посетил этот объект (июнь 2012 г.), показывает американскую заинтересованность в использовании этого объекта.

Сотрудничество США с государствами региона направлено на обеспечение надежного доступа американских вооруженных сил к проходящим через эту часть мира коммуникациям и обретение новых возможностей проецирования силы. В контекст сдерживания растущей китайской мощи органично вписывается и решение саммита НАТО в Чикаго (май 2012 г.) предоставить Монголии статус официального партнера альянса, учитывая, что эта страна имеет общую протяженную границу с КНР.

Другими приоритетными регионами, которым уделяется первостепенное внимание в процессе реконфигурации американских вооруженных сил за рубежом, являются *Большой Ближний Восток* и прибрежная зона Индийского океана.

С этих направлений США ожидают серьезных вызовов для своих интересов безопасности. При этом Пентагон делает ставку на менее затратные формы военного присутствия на иностранной территории, которые не требуют развертывания большого числа американских военнослужащих, – совместные учения, ротация контингентов, использование военных объектов вооруженных сил стран-партнеров, командировки военных советников, визиты подразделений американского спецназа.

В дополнение к своему двустороннему сотрудничеству с заинтересо-

ванными государствами США используют многосторонние партнерские программы НАТО, которые помогают Вашингтону взаимодействовать со странами, где затрагиваются американские интересы национальной безопасности (например, в борьбе с международным терроризмом), но где зримое американское присутствие может провоцировать негативную реакцию местного населения. Такие партнерства помогают США укреплять отношения с нужными государствами без предоставления им гарантий безопасности и выстраивать баланс сил в отношении явных и потенциальных противников.

Американская заинтересованность в расширении списка партнерских государств связана также и с тем, что привлечение третьих стран в международные коалиции, возглавляемые НАТО, является в определенном смысле некоей, пусть частичной и неравноценной компенсацией неучастия «штатных» союзников.

Все свои четыре войны – в Боснии, Косово, Афганистане и Ливии – альянс вёл в неполном составе.

Так, в ливийской операции участвовало менее трети членов НАТО. Те, кто отказался, либо считали войну в Ливии неоправданной (как Германия и Польша), либо ссылались на свои финансово-экономические трудности (как Венгрия), ведь согласно действующему в альянсе принципу каждая страна сама оплачивает свои расходы по участию в операции.

Финансовый фактор подпитывает интерес США к привлечению к военным акциям таких партнеров, как монархии Персидского залива, кото-

рые не обременены бюджетными проблемами и которые опираются на

американскую поддержку в сфере безопасности.

Дискуссии в НАТО между «глобалистами» и «традиционалистами»

Происходящие в мире события и процессы, связанные с глобализацией, меняют традиционные представления о географических рамках обороны в контексте современных угроз безопасности.

К числу основных вызовов США относят: «подъем новых держав, растущее влияние негосударственных акторов, распространение оружия массового уничтожения и иных разрушительных технологий, ряд продолжающихся и вызревающих социально-экономических тенденций»³.

Эти угрозы, по мнению администрации Б.Обамы, диктуют необходимость сотрудничества с государствами в различных регионах мира, учитывая ограниченность возможностей входящих в альянс стран, особенно на фоне обострившихся финансово-экономических проблем Запада.

В трансформации Атлантического альянса США делают ставку на укрепление потенциала его экспедиционных сил, способности проводить военные операции за пределами евро-атлантической зоны и парировать нетрадиционные угрозы безопасности.

Подобный подход предопределяет потребность в многочисленных партнерах среди государств различных регионов мира. Вашингтону приходится учитывать, что многие из этих стран предпочли бы действовать не под американским флагом, а под эгидой международной организации (НАТО).

Однако подавляющее большинство европейских союзников выступает против размывания евро-атлантического характера альянса, а некоторые из них в принципе не желают расширения англосаксонского присутствия в нём, опасаясь уменьшения европейского влияния и снижения статуса Европы в вопросах безопасности.

По мнению Франции и Германии, глобализация НАТО вела бы к усилению конкуренции для ЕС на международной арене. Они не хотят, чтобы НАТО трансформировалось в глобальный блок, который противостоит всему остальному миру. Кроме того, европейцы также не желают быть втянутыми в американо-китайское соперничество. Они опасаются, что глобализация НАТО приведёт к отвлечению ресурсов от решения задач по защите от внешних угроз в Европе.

Социально-экономические проблемы вынуждают европейские государства идти на сокращение оборонного бюджета и подталкивают их к более взвешенной и осторожной позиции в том, что касается обязательств в области международной безопасности.

Принятие в 2010 г. нынешней стратегической концепции НАТО не поставило точку в дискуссиях между приверженцами сохранения регионального (североатлантического) характера альянса и теми, кто ратует за глобальную НАТО. Эти споры в

американском политико-академическом сообществе идут не первый год.

Идею глобализации НАТО продвигает целый ряд американских политиков и экспертов, в частности Дж.Голдгир из университета Дж.Вашингтона в Сент-Луисе, сторонником этой концепции является нынешний представитель США в НАТО И.Даалдер. По их мнению, географические рамки альянса, ограниченные в соответствии с Вашингтонским договором 1949 г. Североатлантическим регионом, являются продуктом конкретного исторического периода, когда главной ставкой в противоборстве СССР и США была Европа. Сейчас ситуация кардинально иная, и если бы США пришлось создавать альянс сейчас, то он был бы сформирован из дружественных демократических государств независимо от их географического положения. Иными словами, существующие границы альянса, на их взгляд, являются историческим пережитком и не соответствуют реалиям современного мира. Они полагают, что альянс

может служить основой для новой глобальной НАТО, в которой присутствовали бы, например, такие страны, как Австралия и Япония.

По мнению заместителя помощника генсека НАТО по новым вызовам безопасности Дж.Шиа, альянсу надлежит предпринять серьезные усилия, чтобы «связать воедино максимальное количество своих партнеров в Северной Африке, на Ближнем Востоке и Азиатско-Тихоокеанском регионе в структурированное сообщество безопасности путем проведения консультаций, совместных учений и налаживания оперативной совместимости»⁴. Вступление США и подавляющего большинства стран НАТО в период жесткой экономии военных расходов повышает значимость вклада государств-партнеров в решение задач безопасности. НАТО надеется, что такие страны, как Австралия, Индонезия, Катар, Южная Корея, Швеция, будут как и прежде предоставлять свои военные контингенты для участия в операциях по урегулированию кризисов и конфликтов.

Факторы глобализации военно-политической активности Запада

Драйвером глобализации военно-политической активности Запада, проявляющейся в расширении географии проводимых операций, стала внедряемая американцами после событий 11 сентября 2001 г. идея, что оборона территории НАТО начинается не у границ альянса, а в любом регионе мира, откуда исходит угроза для безопасности входящих в него стран.

Классическим примером здесь стал Афганистан, где НАТО ведет бо-

евые действия с 2003 г. Западные политики и эксперты исходят из того, что альянс должен идти в ногу с происходящими в мире процессами глобализации, чтобы адаптироваться к современным реалиям.

Расширению географических границ деятельности НАТО способствует новое понимание того, что означает коллективная оборона альянса в XXI в.

По мнению многих западных политологов, в эпоху современных

транснациональных угроз и вызовов коллективная оборона выходит за рамки традиционного толкования ст. 5 Договора о НАТО как ответа на вооруженную агрессию против стран альянса. В соответствии с новым подходом она не должна привязываться строго к одной конкретной территории – той, что ограничена зоной действия Североатлантического договора 1949 г. Американский политолог Дж. Голдгиер полагает, что действия альянса как *экспедиционной силы* составляют сегодня в определенных случаях сущность ст. 5, а не второстепенное дополнение к ней.

Согласно традиционному толкованию, атаки в киберпространстве или перекрытие поставок энергоресурсов формально не подпадают под 5-ю статью о коллективной обороне. Сторонники нового подхода подчеркивают, что не столь важно, под какую статью Вашингтонского договора – четвертую (в ней речь идет о срочных консультациях) или пятую – подпадают угрозы или акции третьих сил, главное – это готовность альянса дать коллективный ответ на враждебные действия, если их объектом стала какая-либо из стран НАТО.

Однако далеко не все члены НАТО разделяют точку зрения, что коллективная оборона в современную эпоху не имеет четко выраженных географических границ, и это неизбежно вызывает споры при распределении ресурсов, в том числе между традиционными задачами по защите территории и внеевропейскими операциями альянса. На уровне практической политики государства НАТО предпочитают подходить к этому вопросу более осторожно, так как слишком широкое толкование 5-й

статьи может повлечь труднопредсказуемые последствия. Правда, подобная осторожность в гораздо большей мере присуща европейским государствам, нежели США, которые являются основной движущей силой всё более широкого толкования понятия «безопасность».

Один из драйверов глобализирующейся активности НАТО состоит в том, что доступ к энергетическим ресурсам сегодня входит в разряд важнейших критериев силы и влияния, так как от него во многом зависит политическая, экономическая и военная мощь государств. Вопрос о поставках энергоносителей подпитывает интерес НАТО к целому ряду регионов мира, включая Ближний Восток, Каспий, Центральную Азию и Южный Кавказ.

Помощник генсека НАТО Дж. Шиа выделил четыре перспективных направления деятельности НАТО в сфере энергетической безопасности.

– *Во-первых*, это создание постоянного механизма мониторинга и оценки в формате группы анализа проблем энергетической безопасности, включая разведывательный аспект. Эта группа осуществляла бы координацию между заинтересованными странами и международными организациями, такими как ООН и ЕС, по вопросам энергетической безопасности.

– *Во-вторых*, вклад НАТО может выражаться в содействии безопасности союзникам.

– *В-третьих*, альянс мог бы осуществлять контроль на морских пространствах для предотвращения нападения на важные энергетические объекты, такие как танкеры или буровые платформы.

– *В-четвертых*, это проведение военных операций по обеспечению поставок нефти и газа в условиях разразившегося кризиса или вооруженного конфликта. В соответствии с решением Чикагского саммита НАТО созданный в Вильнюсе Центр энергетической безопасности должен получить официальный статус в нынешнем году.

Формируя партнерство с государствами в различных регионах мира, НАТО претендует на роль глобального координирующего механизма по вопросам международной безопасности.

В 1994 г. альянс учредил программу «Партнерство ради мира» (ПРМ) для стран Европы и бывшего СССР и создал Совет Евро-Атлантического партнерства (СЕАП).

В том же году он инициировал программу «Средиземноморский диалог» (СД) для сотрудничества со странами Ближнего Востока и Северной Африки. К этой инициативе присоединились семь государств региона – Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Марокко, Мавритания и Тунис.

В 2004 г. альянс установил официальные партнерские отношения с государствами Персидского залива, приняв «Стамбульскую инициативу по сотрудничеству» (СИС) на саммите в турецкой столице. Эта инициатива направлена на взаимодействие НАТО с Бахрейном, Кувейтом, Катаром и ОАЭ в сфере безопасности. В результате были установлены прямые контакты штаб-квартиры НАТО с военным руководством государств региона Персидского залива.

Отдельную группу составляют государства, которые имеют статус «глобальных парт-

неров», – это Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония и некоторые другие, которые вносят заметный вклад в операции альянса и активно поддерживают его деятельность по различным аспектам безопасности.

Помимо четырех упомянутых стран к числу своих наиболее ценных партнеров НАТО причисляет также Австрию, Грузию, Иорданию, Катар, Марокко, ОАЭ, Швецию и Финляндию.

Если Североатлантический альянс может задействовать в своих интересах возможности партнеров, начиная от использования их военных контингентов и баз до прокладки коммуникаций и транзитных маршрутов через их территорию и воздушное пространство, так ли уж ему необходимо, чтобы эти государства становились его членами, существенно увеличивая нагрузку по обеспечению гарантий коллективной обороны?

Привлечение партнеров к совместным действиям в кризисной ситуации сопряжено с определенными ограничениями, в том числе с такими, что способны негативно повлиять на быстроту реакции альянса на события. Зарубежные партнеры, как правило, не очень предрасположены к тому, чтобы участвовать в превентивных операциях. Они чаще всего не готовы поддержать действия США (НАТО) до того, как противостоящая угроза становится вполне очевидной, тем более что в самом альянсе нет единого мнения в вопросе об упреждающих силовых акциях.

Европейский ресурс расширения НАТО

Рассматривая Европу с точки зрения перспектив экспансии НАТО, можно выделить две категории государств.

Первую составляют государства бывшего СССР и Балканского региона, которых западные стратеги относят к реальным или потенциальным

кандидатам на членство в Североатлантическом альянсе, – это Грузия, Молдавия, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и Сербия. В отношении этих стран задачей минимум на обозримую перспективу Запад считает удержание их в сфере своего внешнеполитического влияния и внедрение принципов западной социализации. Военная полезность этих государств для НАТО весьма условна, и, выстраивая партнерство с ними, она преследует в основном геополитические цели.

Ко второй группе относятся государства ЕС с историческими традициями нейтралитета, которые могут вступить в Североатлантический альянс в сжатые сроки, прими они соответствующее политическое решение. Это – Австрия, Ирландия, Мальта, Финляндия, Швеция.

В политическом отношении упомянутые пять стран однородны. Они являются надежными партнерами НАТО, однако видят в сотрудничестве с Брюсселем лишь дополнение к своему членству в Евросоюзе, а не трамплин для вступления в альянс. Эти страны ценят возможность налаживания оперативной совместности своих вооруженных сил с натовскими войсками при проведении международных миротворческих операций. Для отношений альянса с этой группой стран характерны стратегическая и политическая общность, отсутствие серьезных проблем в двустороннем взаимодействии и возможность быстрой их интеграции в свою структуру.

Сотрудничество НАТО с упомянутой группой стран носит отчетливо диверсифицированный характер.

Швеция и Финляндия, отказавшись от нейтралитета, но сохраняющие внеблоковый статус, выделяют наибольшую активность в партнерстве с НАТО. Они более других стран-партнеров готовы вносить вклад в военные усилия альянса и сотрудничать с ним практически по всем форматам взаимодействия, за исключением союзнических обязательств по коллективной обороне (Хельсинки и Стокгольм воздерживаются от вступления в альянс и участия в гарантиях по безопасности). Уровень подготовки их вооруженных сил близок к натовским нормативам, что позволяет альянсу беспрепятственно привлекать воинские контингенты из этих государств к своим операциям. Швеция и Финляндия – единственные из стран, не входящих в альянс, участвовавшие в программе модернизации стратегической военно-транспортной авиации НАТО, которая была запущена пять лет назад под американским руководством. Этот факт, весьма необычный для государств, официально придерживающихся внеблокового статуса, свидетельствует о готовности Швеции и Финляндии к глубокой интеграции в военные структуры альянса без формального членства в нём.

Современные финансово-экономические реалии способны подстегнуть этот интеграционный процесс, подталкивая Стокгольм и Хельсинки к объединению своих оборонных ресурсов и инфраструктуры с соседними странами НАТО – *Данией и Норвегией*, для экономии военных расходов. Создание совместных подразделений, коллективное военное планирование и объединение усилий в про-

изводстве военной техники и вооружений способны уменьшить бремя содержания вооруженных сил этих государств.

Фактически имеются все предпосылки для «ползучей» экспансии НАТО в северо-западном направлении.

К тому же натовское партнерство с этой группой стран является в военном и политическом отношении важной смычкой между НАТО и ЕС.

Как отмечает политолог М.Петерссон, Финляндия и Швеция сотрудничают с НАТО «на всех уровнях и по всем областям», а в некоторых случаях действуют так, будто являются ее членами, за что их часто называют в альянсе «вненаатовскими союзниками»⁵.

Швеция выделяется среди упомянутой пятерки как страна, которая предпринимает наибольшие усилия по трансформации национальных вооруженных сил в соответствии с натовскими стандартами, включая те, что касаются участия в экспедиционных войнах. Это относится как к военно-техническому оснащению войск, так и к боевой подготовке и организации системы командования и управления. Швеция модернизирует свои вооруженные силы с целью обеспечения оперативной совместимости с войсками США и других членов НАТО. По масштабу сотрудничества с НАТО она является для альянса редким примером «нетто-провайдера» безопасности среди зарубежных партнеров. Участие Швеции в натовских операциях не требует от альянса особых организационных усилий или затрат. По мнению ряда европейских союзников, Швеция не возражала бы, если бы к ней относились как к «члену НАТО в статусе наблюдателя».

Партнерство с НАТО является для шведского правительства стимулом для модернизации и реформирования национальных вооруженных сил. Однако левоцентристские и правоцентристские политические силы по-разному смотрят на выгоды сотрудничества. Для первых полезность партнерства страны с НАТО заключается в его политической функции как форума для диалога и консультаций, в том числе между Западом и Россией, по таким вопросам, как контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение ОМУ. Правые больше ценят военный аспект сотрудничества с альянсом, его практическую отдачу для защиты шведских национальных интересов. Они выступают за более интенсивный характер консультаций между Стокгольмом и Брюсселем, за более широкое участие шведских вооруженных сил в боевой подготовке и совместных учениях стран альянса, включая их проведение на территории самой Швеции, причём активность подобных призывов возрастает в период осложнения отношений между Россией и НАТО.

Партнерство с НАТО таких стран, как Австрия, Ирландия и Мальта, носит гораздо более скромный характер.

Австрия не ставит амбициозных целей в сотрудничестве с альянсом, проявляет сдержанность в выдвижении инициатив и избегает крупных проектов. Это в еще большей степени относится к Ирландии. В международных силах НАТО в Афганистане участие этих двух стран носит символический характер (они представлены в них несколькими штабными офицерами), в отличие от Шве-

ции и Финляндии, чьи контингенты играют заметную роль в районе г. Мазари-Шариф на севере Афганистана. Мальта не проявляет особого интереса к сотрудничеству с НАТО, но для альянса важно держать эту

страну в числе своих партнеров по геополитическим соображениям, учитывая значение ее географического положения в центре Средиземноморья, между Сицилией и Африкой.

Американский фактор «партнерской экспансии» НАТО вне Европы

Государства, поддерживающие тесные отношения с США в сфере безопасности и официальные контакты с НАТО, расположены не только в Европе, но и в таких регионах, как Ближний Восток, Северная Африка, АТР.

Это – Австралия, Бахрейн, Египет, Израиль, Иордания, Кувейт, Марокко, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония. Указанные страны, за исключением Иордании, имеют статус американских союзников, но далеко не со всеми с ними США связывают обязательства по взаимной обороне. Запад придаёт большое значение отношениям с упомянутыми государствами в контексте формирования архитектуры безопасности в Ближневосточном и Азиатско-Тихоокеанском регионах, которая отвечала бы его интересам.

Растущая военно-политическая активность Запада находит свое отражение в сотрудничестве НАТО с *Австралией, Южной Кореей* и другими «глобальными партнерами» в рамках силовых акций альянса, включая войну с талибами в Афганистане, где происходит фактическое размывание границ между членами альянса и этими государствами с точки зрения практического участия в операциях.

Сторонники глобализации НАТО рассматривают этот процесс как воз-

можность преодоления географических и политических ограничений, которые существуют в отношении количественного расширения альянса. По мнению ряда западных политологов, продолжение подобной практики в будущем может привести к изменению евро-атлантической идентичности НАТО, тем более что эта организация де-факто уже трансформировалась из регионального пакта в альянс, чьи интересы простираются на многие регионы мира.

США выступают за более тесную интеграцию с альянсом таких стран, как *Австралия, Япония, Южная Корея, Швеция и Финляндия*. Они поддерживают идею наделения наиболее ценных партнеров НАТО правом голоса в планировании натовских операций соразмерно масштабу их контингентов, а также правом участия во всех видах деятельности по программе «Партнерство ради мира», включая обучение войск.

Для Вашингтона готовность партнеров участвовать в военной операции альянса является более важным фактором, чем их географическое местоположение. Австралия, Япония, Бахрейн, Новая Зеландия, Сингапур и Южная Корея получили признание НАТО как страны, которые внесли большой вклад в операцию в Афганистане либо отправкой своих военных контингентов, либо логи-

стической или иной поддержкой силам международной коалиции, которые воюют с талибами под натовским командованием.

Эти страны предоставляли свою помощь порой более оперативно и в больших масштабах, чем многие члены НАТО.

Сотрудничество альянса с ними включает также обмен информацией по вопросам борьбы с терроризмом и морским пиратством.

Особенностью этой группы государств является то, что их лояльность как партнеров НАТО в решающей степени определяется их тесными отношениями с США в сфере безопасности. Европейский компонент в натовском партнерстве не представляет для них особой ценности, поскольку европейцы, в отличие от США, мало что могут предложить им для защиты их интересов. Именно сотрудничество по обороне с США способствует участию упомянутых стран в операциях НАТО.

Показательным примером здесь служит Австралия, которая рассматривает партнерство с НАТО лишь как дополнение к своему двустороннему сотрудничеству США, а не как самостоятельную ценность. Канберру устраивает неформализованный партнерский статус, так как он не накладывает на неё обременительных обязательств перед альянсом. Она делает ставку на сотрудничество в военной области с англосаксонскими державами, но считает важным ук-

репление связей НАТО с государствами Юго-Восточной Азии, особенно с Сингапуром, Малайзией и Индонезией, перед лицом возникающих в АТР угроз, прежде всего в связи с разработкой ОМУ в Северной Корее.

Отдельную группу составляют такие страны, как Аргентина, Пакистан, Таиланд, Филиппины, которые тесно сотрудничают с США в сфере безопасности и участвуют в натовских операциях. Они имеют статус «важного ненаатовского союзника» США (*US Major Non-NATO Ally*) в соответствии с классификацией, введенной новой редакцией американского «Закона о зарубежной помощи» (1989 г.)^{*}.

Запад заинтересован в использовании этих государств в своих миротворческих операциях, в борьбе с международным терроризмом и усилиях по поддержанию региональной стабильности.

Пакистан сотрудничает с США по афганскому урегулированию, несмотря на периодические возникающие трения в двусторонних отношениях с Вашингтоном. Правда, у экспертов нет единого мнения, в какой степени Исламабад поддерживает стратегические цели Вашингтона в регионе. Стороны проводят совместные учения, заинтересованность в которых проявляет руководство пакистанских вооруженных сил. НАТО учитывает весьма обширный послужной список Пакистана как страны, которая долгое время была миро-

---

^{*} Этот статус Аргентина получила в 1998 г., Таиланд и Филиппины – в 2003 г., Пакистан – в 2004 г. Всего подобный статус имеют 14 государств. Он не предусматривает гарантий по безопасности, а его смысл сводится к упрощению режима поставок американской военной техники и вооружений странам-реципиентам и поощрению их к более тесному сотрудничеству с США в сфере обороны и безопасности.

вым лидером по количеству персонала, направляемого в состав международных миротворческих миссий.

К концу первого десятилетия XXI в. более 10,5 тыс. пакистанских миротворцев (военных, полицейских, гражданских экспертов) принимали участие в 11 подобных миссиях в Азии, Африке и на Балканах.

Сотрудничество с Исламабадом важно для НАТО с точки зрения влияния на ситуацию в Афганистане. Правда, в установлении более тесного партнерства с Пакистаном альянс может сдерживать опасения по поводу возможной негативной реакции Индии на такое сближение.

С Таиландом США проводят ежегодно несколько десятков совместных военных учений и других мероприятий, и в некоторых из них принимает участие ряд европейских членов НАТО.

В ходе операции НАТО в Афганистане таиландские военнослужащие участвовали в восстановлении взлетно-посадочной полосы военного аэродрома в Баграме. Американские ВВС используют таиландские аэродромы для дозаправки и пользуются правами пролета над воздушным пространством этой страны, совершая полеты в Афганистан.

Альянс ценит готовность Бангкока направлять значительные воинские контингенты для участия в миротворческих операциях. Он учитывает успешный опыт совместных антитеррористических операций таиландских и американских войск.

Филиппины тоже привлекательны для НАТО как потенциальный участник международных коалиций, ведь более тысячи филиппинских военнослужащих участвуют в восьми миротворческих операциях, санкционированных ООН в разных регионах мира.

Аргентина является единственной страной в Южной Америке, которая имеет статус «ненатовского союзника» США. В 1999 г. она направила в НАТО запрос относительно получения ассоциированного членства в альянсе и использования для этой цели механизмов программы «Партнерство ради мира», но получила отказ из Брюсселя под формальным предлогом, что членами НАТО могут быть только государства Северного полушария.

Вашингтон высоко оценивал аргентинский вклад в миротворческие операции альянса, а также предпринимаемые Буэнос-Айресом усилия по борьбе с терроризмом. Однако затем последовали разногласия из-за войны в Ираке и тяжелый внутренний экономический кризис в Аргентине, в результате чего взаимодействие Аргентины с НАТО заметно сократилось. Буэнос-Айрес перестал посылать офицеров связи в штаб-квартиру Главкома ОВС НАТО в Европе. Вопрос о практическом сотрудничестве с Североатлантическим блоком сегодня не фигурирует в аргентинской политике безопасности.

Практически для всех упомянутых стран важнейшим в партнерстве с НАТО является «американский фактор», и большинство из них рассматривает свое участие в международных операциях НАТО как способ заручиться поддержкой США в важных для себя вопросах безопасности. По мнению ряда западных аналитиков, альянс может приобрести политические и военные дивиденды от формирования более тесного партнерства с каждым из государств, имеющих статус «ненатовского союзника» США, но тогда он должен быть готов

принять вызовы, которое такое сотрудничество повлечет за собой на

стратегическом и региональном уровнях.

Запад и перемены на Ближнем Востоке

В результате «арабской весны» 2011 г. правящие режимы были свергнуты в Тунисе, Египте, Ливии. Сохраняется кризис власти в Йемене. Уличные протесты политической оппозиции периодически вспыхивают в Бахрейне. Волнения в Алжире и Омане сравнительно быстро сошли на нет. Внутренний конфликт в Сирии перерос в полномасштабную гражданскую войну. Правящие монархии Марокко и Иордании, чтобы сбить волну общественного недовольства, объявили о мерах по реализации ограниченных реформ.

Как отмечает британский политолог К. Далакура, смена режимов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки на волне «арабского пробуждения» не изменила фундаментальных постулатов американской политики в регионе – наступившие перемены «не нанесли ущерба основам отношений Соединенных Штатов с их ключевыми союзниками, а именно Саудовской Аравией, Иорданией, Турцией и даже Египтом, где военные остаются важным политическим игроком»⁶.

США заинтересованы в использовании НАТО для достижения своих целей на Ближнем Востоке, хотя альянсу и не отводится центральная роль в этих планах. Вашингтон сыграл ключевую роль в превращении «Средиземноморского диалога» из декларативной в работающую программу партнерства и в привлечении НАТО к сотрудничеству с государствами Персидского залива. В то же время у США во многом угас энтузиазм по поводу перспектив «продвижения демократии» в ближневосточных странах (эта цель была офи-

циально провозглашена в концепции «Большого Ближнего Востока» 2003 г.) после того, как в результате демократических выборов в Египте и Палестинской автономии свои позиции укрепили политические силы, враждебные Западу. Эти события побудили Вашингтон к тому, чтобы диверсифицировать свои контакты с местными политическими силами даже вопреки возражениям авторитарных лидеров тамошних стран.

Свои отношения с Египтом в президентство Х. Мубарака США характеризовали как стратегическое партнерство. Эти отношения имели разветвленную структуру – работали двусторонние профильные комитеты, в том числе по безопасности и региональной стабильности, поддерживался «стратегический диалог» между Госдепартаментом США и египетским МИД. Однако даже столь тесные связи не помогли Вашингтону предвидеть смену режима в этой стране. Правда, США еще до свержения президента Х. Мубарака (2011 г.) установили контакты, пусть и ограниченные, с движением «Братья-мусульмане» в Египте, что помогло им адаптироваться к новой ситуации, когда эта партия победила на выборах в парламент, а её представитель М. Мурси стал президентом страны.

Использование Соединенными Штатами альянса возможно лишь в той мере, в какой американские интересы в регионе не противоречат интересам европейцев. Разногласия между американцами и европейцами по ближневосточной теме вышески-

ваются на международных форумах, в том числе в ООН и ЮНЕСКО. Так, из европейских союзников только Чехия поддержала США и проголосовала на нынешней сессии Генассамблеи ООН против предоставления Палестине статуса государства-наблюдателя. Однако непосредственно сама НАТО, по крайней мере на уровне официальной политики, не является площадкой для конкуренции или соперничества между США и Европой по ближневосточной тематике. Трансатлантические разногласия, касающиеся Ближнего Востока, скорее проявляются по линии взаимоотношений США и ЕС.

Германия не поддерживает идею расширения роли НАТО на Ближнем Востоке, полагая, что регион нуждается в политических, а не в военных инструментах для решения своих проблем. Свои возражения имеются у Франции, Испании и других европейских стран, хотя они избегают блокировать американские инициативы по сотрудничеству НАТО с государствами Ближнего Востока, предпочитая согласовывать между собой общую политику в отношении этого региона в рамках ЕС. В силу целого ряда причин альянс не может перенести на почву Ближневосточного региона модель построения системы региональной безопасности, наподобие ОБСЕ, или выступить региональным гарантом безопасности.

Теоретически можно предположить, что у НАТО и стран Ближнего Востока может быть совместный проект с использованием военных инструментов, основанный на их общей заинтересованности в обеспечении безопасных поставок углеводородного сырья на мировой рынок из

региона (на него приходится около 65% мировых разведанных запасов нефти и 35% – газа). Однако этому мешает отсутствие взаимного доверия и оперативной совместимости вооруженных сил НАТО и ближневосточных государств, а также неурегулированность арабо-израильского конфликта.

По мнению египетского политолога М. Орфи, «на нынешнем этапе НАТО не способна предпринять миссию «жесткой силы», которая могла положительно повлиять на разрешение застарелых кризисов в регионе»⁷.

Особую группу составляют *государства Персидского залива*, которые, опасаясь военного конфликта с Ираном, стремятся наладить тесное оборонное сотрудничество с США. ОАЭ приняли решение об открытии своего постоянного представительства при штаб-квартире НАТО, что стало прецедентом в отношении альянса с государствами арабского мира. Саудовская Аравия намерена значительно укрепить партнерство в сфере безопасности с Соединенными Штатами в ближайшие 20 лет, подписав многомиллиардное соглашение на закупку различных видов современной американской военной техники и вооружений. В последние годы Вашингтон стал проводить на регулярной основе военные учения с участниками Совета сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ), в который входит шесть стран региона. Он заинтересован объединить в единый региональный пакт безопасности государства ССГПЗ и некоторые ближневосточные страны – Иорданию, Марокко и Йемен. Подобное объединение содействовало бы созданию в регионе коллективной системы ПВО и ПРО для

нейтрализации потенциального ракетного удара со стороны Ирана и помогло бы удержать Саудовскую Аравию от поползновений к созданию ядерного оружия в противовес ядерному вооружению Тегерана. Более осторожную позицию занимают Кувейт и Оман, которые поддерживают оборонное сотрудничество с США, но в то же время опасаются испортить отношения с Ираном.

Весной 2012 г. США и шесть государств Персидского залива на переговорах в Саудовской Аравии достигли предварительного соглашения о создании в регионе системы противоракетной обороны для нейтрализации иранской угрозы.

США продвигают идею укрепления сотрудничества НАТО с государствами в стратегически важных регионах мира. Они рассматривают партнерство с ними как инструмент проецирования силы и влияния Запада. Особый интерес для них представляют регионы, откуда исходят наибольшие транснациональные угрозы (международный терроризм, распространение ОМУ) и где проходит дуга повышенного риска: Южная и Центральная Азия – Ближний Восток – Северная и Восточная Африка.

НАТО исходит из того, что глобализация порождает новую географию и новую природу конфликтов, которые требуют привлечения к ее усилиям широкого круга государств. Отражением этого процесса стало введение альянсом отдельной категории «партнеры по всему миру» для стран, с которыми он установил сотрудничество вне рамок своих региональных партнерских программ. Культивирование партнерств с неевропейскими государствами ведет к ползучей глобализации НАТО. Натовские программы партнерства являются инструментом распространения западного влияния на геополитические пространства без необходимости принимать в свои ряды государства других регионов.

В то же время «многовекторность» партнерских отношений НАТО подпитывает тенденцию к снижению уровня союзнической солидарности в альянсе при проведении операций, несвязанных со ст. 5 о коллективной обороне, – никогда прежде так много натовских стран не воздерживалось от участия в коллективной операции, как в ливийской войне (2011 г.).

США, Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ работают над согласованием деталей проекта секторальной системы ПРО8. США уже развернули системы обнаружения и средства перехвата на своих кораблях в районе Персидского залива. Саудовская Аравия и Кувейт намерены последовать примеру ОАЭ и приобрести у США системы противоракетной обороны *THAAD**, а также модернизировать ранее закупленные противоракетные системы малой дальности «Пэтриот». Упомянутые три страны Персидского залива решили в ускоренном режиме осуществить свои планы по развертыванию кораблей, оснащенных системой ПРО морского базирования.

---

* *THAAD* – заатмосферный перехват баллистических ракет на больших высотах.

По мнению американского политолога Р.Кэнета, «хотя нынешняя организационная структура НАТО может продолжить своё существование и в будущем, она, скорее всего, станет представлять собой пул государств, из которых будут формироваться временные коалиции для решения конкретных проблем безопасности»⁹.

Он полагает, что существование разногласий в альянсе в вопросе о том, какую политику проводить в отношении России, повышает вероятность подобной эволюции НАТО.

Участие в региональных партнерствах НАТО не является универсальным индикатором вовлеченности той или иной страны в политику альянса.

Такие страны, как Австралия или Южная Корея, не являются членами многосторонних партнерских программ альянса, однако активно поддержали натовскую операцию в Афганистане.

Опыт шведского участия в другой военной кампании – против Ливии – свидетельствует о размывании границ между статусом члена альянса и статусом партнера с практической точки зрения. Швеция внесла гораздо больший вклад в операцию «Объединенный защитник», чем многие члены альянса, не говоря уже о тех из них, кто воздержался от участия в ней. Эта операция показала, что шведские ВВС полностью соответствуют натовским стандартам, включая требования оперативной совместимости, и в этом контексте для командования альянса не было принципиальной разницы, состоит Швеция членом НАТО или нет.

Для натовского альянса готовность партнеров участвовать в его военной операции своими людскими, военными, транспортно-логистическими и иными ресурсами является более важным показателем, нежели их географическое местоположение. Глобализация НАТО за счет приёма новых членов из внеевропейских регионов – это наименее вероятный сценарий в обозримом будущем. Подобная трансформация потребовала бы ревизии 10-й ст. Вашингтонского договора, а к пересмотру этого основополагающего документа союзники явно не готовы.

Разнообразие государств, с которыми НАТО формирует партнерство в той или иной форме, свидетельствует о гибкости альянса при выборе партнеров.

Подобную гибкость было бы ошибкой интерпретировать как свидетельство отсутствия четкой стратегии в отношении партнерств. Договариваясь о сотрудничестве с государствами различных регионов мира, США и НАТО на публичном уровне избегают указывать, против кого это сотрудничество направлено. Однако едва ли есть сомнения, что партнерство с государствами Персидского залива выстраивается против Ирана, а со странами АТР – как противовес Китаю.

Примечания

¹ Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense // URL: http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

² Defense Strategic Guidance Briefing from the Pentagon, January 5, 2012 // URL: <http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=4953>

³ Quadrennial Defense Review Report. February 2010. Wash., GPO. P. 1.

- ⁴ Shea J. Keeping NATO Relevant // Policy Outlook. 2012. April. Carnegie Endowment for International Peace. P. 11–12.
- ⁵ Petersson M. NATO and the EU 'Neutrals' – Instrumental or Value-Oriented Utility? // NATO: The Power of Partnerships / ed. by H. Edstrom, J.H. Matlary, M.Petersson. Palgrave Macmillan, Houndmills, 2011. P. 116–117.
- ⁶ Dalacoura K. The 2011 uprisings in the Arab Middle East: political change and geopolitical implications // International Affairs. 2012. Vol. 88. №. 1. P. 78.
- ⁷ Orfy M.M. NATO and the Middle East: The Geopolitical Context Post-9/11. London: Routledge (Taylor & Francis), 2010, p. 176.
- ⁸ U.S. Looks to Antimissile Collaboration With Gulf States, Clinton Says (April 2, 2012) // URL: <http://www.nti.org/gsn/article/us-looks-antimissile-collaboration-gulf-states-clinton>
- ⁹ Kanet R.E. The “New” Members and Future Enlargement: The Impact of NATO-Russia Relations // NATO in Search of a Vision / ed. by Gulnur Aybet, Rebecca R.Moore: Georgetown University Press. Washington, D.C., 2010. P. 168.

**Требования к материалам,
представляемым для публикации в журнале
“Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК**

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@rau.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован (иметь разделы)**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны, SPIN-код) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленную и заверенную соответствующей кадровой структурой рецензию специалиста – доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>